

К сожалению, судьба сыграла злую шутку, и наследный принц умер, оставив её с пустыми руками. Гу Хуань с трудом улыбнулась и сказала:

— Мы с тобой, конечно, разные. Ты — лебедь, парящий на тысячи миль, а я — ласточка, пристроившаяся под чьим-то крылом. Ты владеешь островом Пэнлай, и даже император, приходя к тебе, вызывает у тебя лишь досаду, а я день и ночь мечтаю о власти, но не могу её обрести.

Лэ Юй резко прервал её:

— Ты закончила? Кто ты такая, я сам разберусь.

Серебряные блюда на столе слегка задрожали. Они жили бок о бок, и он сам мог судить о её характере. Ему не нужны были чужие мнения или её самоуничижение. Голова Лэ Юя пронзительно заболела, и внезапно в его сознании всплыла мысль, как будто ведро ледяной воды вылилось на него.

— А Хуань, ты ведь не используешь князя Цзинчэна, чтобы отомстить за Сяо Шаньги? Эта месть не для тебя!

Сяо Шанли, получив указ, вышел из дворца и, войдя в Двор Весенних Ароматов, увидел Лэ Юя. Охранники князя мгновенно обнажили мечи, но Сяо Шанли нахмурился и сказал:

— Ничего страшного, уберите оружие.

Охранники отступили.

Лэ Юй произнёс:

— Князь Цзинчэн, у вас есть время выслушать меня?

Сяо Шанли удивился, никогда не видел Лэ Юя таким серьёзным. В этом весеннем саду он казался холодным и суровым. Князь приказал:

— Все, выйдите.

Оставшись наедине, он сказал:

— Прошу, говорите.

Лэ Юй начал:

— Я последний, кто должен задавать этот вопрос, но, кроме меня, никто в этом мире не осмелится быть настолько самонадеянным. Князь Цзинчэн, вы действительно хотите трон? Вы действительно всё обдумали?

Он был последним, кто должен был задавать этот вопрос. Завет предков Лэ гласил: «Ни один из потомков не должен общаться с королями и князьями». Поколения за поколениями они жили, наслаждаясь горами и морем, укрываясь в мире рек и озёр. Люди острова Пэнлай бежали из разных стран, спасаясь от преследований, и нашли убежище под защитой клана Лэ.

Он не должен был вмешиваться в борьбу за трон в Южном Чу, но всё же сделал это, слишком уж ему было жаль князя Цзинчэна. Это был не его вопрос, но он всё равно задал его.

Лэ Юй остановился перед цветущим деревом и повернулся. Сяо Шанли же внутренне обрадовался. С детства он был баловнем судьбы, привыкшим получать всё, что хочет, и ему было всё равно на позицию острова Пэнлай. Он решил, что Лэ Юй заботится о нём, и смиренно ответил:

— Я знаю, вы не верите, что я всё обдумал и принял решение. Когда мы впервые встретились, вы спросили, хочу ли я трон, и я тогда колебался. В прошлый раз, когда я хотел стать вашим учеником, я уже сказал: «Если я стану императором, вы станете моим наставником».

Лэ Юй сказал:

— Значит, князь Цзинчэн уже определился.

Он хотел узнать истинные мысли князя и использовал технику «Сутры Истинного Удовольствия», наполняя каждое слово внутренней силой, чтобы подавить семнадцатилетнего юношу, не обладающего боевыми навыками.

Сяо Шанли невольно отступил, упёршись спиной в дерево. Лэ Юй никогда раньше не проявлял такой дерзости, используя своё мастерство. Он не хотел, чтобы Сяо Шанли боролся за трон. Мощь, близкая к уровню гроссмейстера, обрушилась на князя, и он, не в силах сопротивляться, опустил рукава и склонил голову. В душе он думал: «Если я не буду бороться за трон и князь Шоушань станет императором, разве у меня и моей матери будет шанс выжить?». Но он предпочёл умереть, чем показать свою слабость перед этим человеком, и с трудом произнёс:

— Когда вы впервые спросили меня, я ещё не решался... Потому что тогда был жив мой старший брат, наследный принц. Но именно ваш вопрос заставил меня понять, что теперь я могу не бояться. Разве есть потомок императорской семьи, который остался бы равнодушным к трону?

Сверху падали цветы, и Лэ Юй, услышав это, ухватил его за подбородок и усмехнулся:

— Но князь всё же не решается поднять голову и посмотреть мне в глаза.

Он подумал, что всё кончено, они не были людьми одного пути, и потому не было судьбы. Он отпустил внутреннюю силу, и Сяо Шанли смог перевести дух.

Лэ Юй сказал:

— У князя есть амбиции, но он не знает, как их реализовать. Если вы действительно вступите в борьбу за трон, вас ждут тысячи трудностей, и это будет не так просто, как сейчас, когда я задаю вам вопросы. Я не буду помогать вам, но позабочусь, чтобы вам не причинили вреда. Павильон Весеннего Дождя поможет вам. Супруга наследного принца тоже поможет, но она не останется в столице надолго. Через три месяца я увезу её, и она не сможет сопротивляться. Она не знает, что передала вам не Гу долгой жизни, а женскую пару к моему Гу любви. Хотя он может спасти жизнь, он также вызывает странные ощущения. Думаю, вы уже это заметили. Женский Гу должен оставаться в теле хозяина не менее трёх месяцев, чтобы не навредить ему. Когда придёт время, я попрошу кого-нибудь извлечь его, чтобы не осталось последствий. С этого момента остров Пэнлай и князь Цзинчэн больше ничего друг другу не должны.

Сяо Шанли, услышав это, был вне себя от гнева и сквозь зубы произнёс:

— Остров Пэнлай хочет избавиться от обязательств? Я исполню ваше желание! Считайте, что я оплатил вам за спасение моей жизни.

Слова о мужском и женском Гу любви прокатились в его душе, как весенний гром, и он добавил:

— Этот Гу любви... извлеките его как можно скорее, иначе, думая о связи между двумя мужчинами, меня начинает тошнить.

Он чувствовал острую боль в груди и думал: «Вот почему я так относился к этому человеку — всё из-за проклятого Гу». Но он не почувствовал облегчения, скорее, как будто выпустил воздух, который с трудом сдерживал, и чуть не заплакал. В душе он добавил: «Что такое остров Пэнлай? Ты слеп, если ставишь его выше меня! Когда-нибудь я заставлю тебя пожалеть о том, что ты просил меня».

Лэ Юй, услышав слова «меня начинает тошнить», почувствовал укол в сердце и сказал:

— Лучше, если князь будет так думать. Что касается Гу любви, это останется между нами, я не собираюсь сообщать об этом супруге наследного принца.

Сяо Шанли всё ещё стоял неподвижно, и Лэ Юй добавил:

— У меня больше нет дел. Князь, вы можете идти.

Сяо Шанли вдруг заметил красный след на воротнике его одежды, который можно было принять за лепесток, и, стиснув зубы, сказал:

— Кстати, когда мистер Линь подарил вашей невесте Гу любви, он мечтал о ней, но она была равнодушна. Она до сих пор помнит моего брата. Я напоминаю вам, не будьте самонадеянны, чтобы не опозориться.

Лэ Юй посмотрел на него и сказал:

— Князь, не беспокойтесь, я никогда не был самонадеянным. Например, когда я отказал вам в

просьбе стать вашим учителем, хотя и сожалел об этом, теперь вижу, что это было правильным решением, и мне стоит порадоваться, что я избежал ваших слов о позоре.

Сяо Шанли был так зол, что не мог вымолвить ни слова, и, сжав зубы, закрыл глаза:

— Забудьте о том, что я только что сказал.

В этот момент служанка, которая часто встречала гостей в саду, по имени Юньянь, подошла, чуть выше других, с более зрелой внешностью. Увидев, как два знатных господина стоят в напряжении, она слегка испугалась, но всё же поклонилась и, как человек из окружения Гу Хуань, сообщила:

— Супруга наследного принца просила передать, что прибыл гость.

Лэ Юй сказал:

— Князь, прошу.

Сяо Шанли уже собирался идти, но Юньянь быстро добавила:

— Это я неясно выразилась. Гость прибыл не к вам, а к мистеру Лину.

В цветочном зале Гу Хуань уже сидела, опершись на подлокотник, и смотрела в окно, поправляя разноцветные нити перед фиолетовым пионом в золотой вазе. Пользуясь приятным солнечным светом, она делала несколько стежков. Сяо Шанли, ещё не остывший от гнева, незаметно посмотрел на гостя. Это был строгий пожилой мужчина с седыми висками, в синем одеянии с узорами, опирающийся на трость, но с прямой спиной. Рядом с ним стоял мальчик с умными глазами, как у небожителя, но с робким выражением лица, державшийся за край одежды. Это был тот самый мальчик, который передавал сообщения Лэ Юю на корабле.

Гу Хуань тихо засмеялась:

— Сяо Цзю, посмотри, это председатель Ван из Гильдии морской торговли.

Сяо Шанли задумался. Гильдия морской торговли внешне не имела отношения к миру рек и озёр, но на самом деле была воротами острова Пэнлай. Она вышла на поверхность лишь последние десять лет, и каждый год на Осенний фестиваль сокровищ туда стекались деньги со всех стран. Если... если когда-нибудь придётся действовать против острова Пэнлай, разве не лучше начать с Гильдии морской торговли? Гу Хуань, всегда холодная и мудрая, не заметила его размышлений и лишь велела служанке передать ему пирожное на салфетке.